
Александр Зельгейм
Азбука цинизма
18+

Александр Зельгейм

Азбука цинизма

«Автор»
2026

Зельгейм А.

Азбука цинизма / А. Зельгейм — «Автор», 2026

Добро пожаловать в мир, где взрослая жизнь — это плохо проветриваемый сортир, а «всё нормально» — главный пароль для выживания.Перед вами сборник сатирических рассказов, пропитанных черным юмором и горькой философией. Здесь шестилетняя девочка с наганом торгуется с системой; одни гребут в лодке «национального единства», пока другие пьют шампанское на корме; а выгоревший офисный работник сбегает в лес без интернета. Вы узнаете, почему токсичная эмпатия убивает, как черный кот с виски учит нас теплу, и что скрывается за черными очками тех, кто прячет слезы.Эти истории — кривое, но честное зеркало. Для тех, кто устал быть удобным, грести за всех и врать о своем счастье. Прочтите эту книгу, чтобы наконец-то позволить себе честно сказать: «Мне хреново». Или просто выдохнуть.

© Зельгейм А., 2026
© Автор, 2026

Александр Зельгейм
Азбука цинизма

Инструкция по выживанию в мире, который сошел с ума
Автор: Александр Зельгейм

Жанр: Сатира, черный юмор, философия абсурда

ПРОЛОГ К КНИГЕ (От автора)

Здравствуй, дорогой читатель. Если ты открыл эту книгу, значит, ты либо случайно кликнул не туда, либо уже достиг той стадии душевной усталости, когда единственным способом не закричать в голос является чтение циничных историй о других людях.

Я не буду обещать тебе спасения. Я не буду рассказывать, как стать счастливым за тридцать дней или как найти свое предназначение. Все эти книги пишут люди, которые либо продают тебе курс за девяносто девять тысяч рублей, либо сами никогда не были счастливы.

Эта книга — не учебник. Это зеркало. Кривое, мутное, с трещинами, но зато честное.

В ней собраны истории о нас с тобой. О тех, кто пытается сохранить лицо, когда мир вокруг рушится. О тех, кто греется у вымышленного камина, пока в реальности отключили отопление. О тех, кто тратит последние силы на чужие проблемы, забывая, что свои уже давно требуют реанимации.

Мы поговорим о лодках, в которых одни гребут, а другие пьют шампанское. О цифровом рабстве, из которого так хочется сбежать в лес. О любви, которая давно превратилась в токсичный энергообмен. О котах, которые пьют виски, и о людях, которые прячут слезы за черными очками.

Все эти рассказы — звенья одной цепи. Цепи, которая называется «взрослая жизнь».

Так что налей себе виски (или чай, если у тебя язва), укутайся в плед (даже если на улице плюс тридцать) и приготовься. Будет больно, страшно и очень смешно. Потому что если не смеяться над абсурдом, можно просто сойти с ума.

Поехали.

ГЛАВА 1. Баллада о свинцовом педикюре

(О праве на выстрел и о том, кого мы растим)

Эпиграф: *«Оптимизм — это когда ты стоишь на краю крыши с заряженным револьвером в руке и не понимаешь, как ты вообще сюда забрался. А пессимизм — это когда ты понимаешь, что за квартиру надо платить завтра».*

ПРОЛОГ (внутренний)

Взрослый мир — это, по сути, огромный, плохо проветриваемый сортир, где каждый пытается доказать, что его личная лужа пахнет лавандой. Взрослые измеряют друг друга линейками. «А какой у него рост?» — спрашивают они, подразумевая карьерную лестницу. «А сколько ему лет?» — уточняют они, намекая на срок годности. «А сколько он весит?» — шепчутся они, оценивая его вес в золоте, в регалиях, в количестве проблем, которые он может взвалить на чужие плечи.

Но есть в этой вселенской бухгалтерии один параметр, который не вписывается ни в одну налоговую декларацию. Это способность не обмочиться в самый ответственный момент. Не в прямом, физиологическом смысле, хотя и такое бывает, особенно в кабинетах стоматологов

или при виде счетов за отопление. Нет. Речь о том самом, сакральном «не ссать», которое отделяет живого человека от функции, от винтика, от мясного наполнителя для офисного кресла.

Философия маленьких людей, вынужденных жить в мире больших цифр, всегда пахнет порохом и детским потом. И сегодня мы заглянем на один бетонный пятачок, где эта философия достигла своего апогея.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Высота — понятие относительное

Ей было шесть лет, но выглядела она на все сорок — настолько тяжелым был её взгляд. Звали её Зоя. В руке она держала револьвер системы «Наган» образца 1895 года. Оружие было старым, тяжелым, с облупившейся вороненой сталью. Оно оттягивало ей руку, но Зоя не сдавалась. Она поднимала его вверх, как факел, как знамя, как единственный аргумент в споре с мирозданием.

Ветер трепал подол её белого ситцевого платья. Платье было чистым, накрахмаленным, но сидело на ней, как саван на покойнике, который еще не знает, что он умер. Подол развевался на фоне серого, выжженного дымом неба. Где-то там, внизу, горел город. Не в прямом смысле — просто кто-то опять не выключил утюг или запустил очередной экономический проект. Дым поднимался вверх, щекотал ноздри и пах жареным беконом, который никогда не будет съеден.

В левой руке Зоя держала плюшевого медведя. Медведь был старым, облезлым, без одного глаза, но его присутствие было обязательным. Это был её якорь. Её талисман. Её связь с тем миром, где еще существуют сказки, где добро побеждает зло, а дети не знают, что такое ипотека. Она волокла его по бетонным плитам крыши. Плюшевая лапа скребла по серому покрытию, оставляя за собой след, похожий на траекторию полета пули, пущенной в молоко.

— Главное — не рост, — процедила Зоя сквозь зубы, глядя на горизонт, где клубился дым. — И не возраст. И не вес.

Она сделала шаг вперед. Босые пятки шлепали по холодному бетону. Обуви у неё не было. Обувь забрал «взрослый мир». Сначала — туфельки, как символ детства. Потом — кроссовки, как символ иллюзии бегства. А теперь — остались только мозоли и холодный бетон.

— Главное — не ссать! — выкрикнула она в пустоту, и эхо унеслось вниз, к людям, которые суетливо бежали по улицам, спасая свои сбережения и свои иллюзии.

Надпись на картинке гласила: «Прорвёмся!». Это был лозунг. Это был пароль. Это была молитва, лишенная всякой сакральности. Молитва, обращенная к самой себе.

Внизу, на уровне пятого этажа, остановилась группа людей в костюмах. Они смотрели наверх с тревогой. Это были представители Общества Защиты Прав Взрослых (ОЗПВ). Они пришли, чтобы урезонить Зою. Они пришли, чтобы объяснить ей, что револьвер — это не игрушка, что крыша — это не место для прогулок, что медведь — это неодушевленный предмет, не подлежащий транспортировке на высоту.

Главный из них, мужчина с лицом, похожим на неоплаченный счет за электричество, сложил руки рупором и закричал:

— Девочка! Немедленно спускайся! Ты нарушаешь технику безопасности! Ты подвергаешь риску свою жизнь и нашу страховку!

Зоя посмотрела вниз. Её лицо не выражало никаких эмоций, кроме легкого презрения к человеческой глупости.

— Я не девочка, — ответила она. — Я — субъект экономических отношений. И я нахожусь в стадии острой рецессии.

Мужчина в костюме поперхнулся. Он не ожидал такого отпора. Он привык, что дети плачут и просят конфетку. Эта же требовала пересмотра макроэкономической политики.

— Но у тебя в руках оружие! — не сдавался взрослый.

— У меня в руках инструмент, — Зоя подняла наган еще выше. Дуло сверкнуло в лучах заходящего солнца. — Это единственный инструмент, который остался от дедушки.

Дедушка говорил: «Если тебе кажется, что мир рушится, выстрели в воздух. Если не поможет — выстрели в того, кто говорит, что мир рушится». Дедушка был мудрым человеком. Правда, его забрали в психушку.

Толпа внизу зароптала. Кто-то вызвал полицию. Кто-то вызвал психологическую помощь. Кто-то просто снимал на телефон, надеясь на вирусный ролик и монетизацию.

Зоя отпустила медведя. Плюшевая лапа безвольно стукнулась о бетон. Медведь остался лежать на краю, как верный пес, который не может последовать за хозяином в бездну.

— Вы думаете, что я маленькая? — спросила Зоя. — Это ваша главная ошибка. Вы думаете, что если я не достаю до турникета в метро, то я не могу перепрыгнуть через вашу бюрократию? Вы думаете, что мой вес в 18 килограммов не может перевесить чашу весов с вашими кредитными обязательствами?

Она шагнула к краю. Один носок повис над пропастью. Внизу ахнули.

— Я стою на краю вашего мира, — продолжила она философски. — И знаете, что я вижу? Я вижу, что ваш мир — это просто декорация. Картонные стены, нарисованное небо, бутафорские деньги. А под ним — пустота. И только те, у кого хватает духу не ссать, могут заглянуть в эту пустоту и не сойти с ума.

Она подняла наган. Взрослые внизу замерли.

— Сейчас я проверю, насколько крепки ваши стены.

Она нажала на курок.

Щелчок. Осечка.

Тишина.

Зоя посмотрела на револьвер. Барабан не повернулся. Патрон был дефектным. Как и вся её жизнь. Как и вся их жизнь. В этом была какая-то высшая, злая, сатирическая справедливость. Вселенная опять сказала: «Не сегодня, малышка. Ты еще не выплатила кредит за право на выстрел».

Она медленно опустила руку. Опустила оружие. Взрослые внизу выдохнули с облегчением. Начальник в костюме вытер пот со лба.

— Ну вот и славно, — пробормотал он. — Ну вот и договорились.

Зоя повернулась к ним спиной. Она посмотрела на медведя, который лежал на бетоне, уткнувшись мордой в трещину.

— Прорвёмся, — тихо сказала она, обращаясь к медведю. — Просто сегодня не наш день. Сегодня у нас день переговоров.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Сатира на повседневность

Взрослые поднялись на крышу. Они окружили Зою плотным кольцом, как волки, загнавшие олененка. Но Зоя не была олененком. Она была налоговым инспектором в теле шестилетней девочки.

— Отдай оружие, — ласково, но с металлическими нотками в голосе, сказал мужчина в костюме. Его звали Аркадий. Он был начальником отдела по работе с несовершеннолетними должниками.

— Отдам, — согласилась Зоя. — В обмен на списание долга по песочнице.

Аркадий поперхнулся.

— Какого долга?

— А вы думали, я не знаю, что за право играть в песочнице нужно платить? — Зоя усмехнулась. — Вы думали, я не вижу, как вы начисляете проценты за каждую слепленную пасочку? Вы думали, я не знаю, что если я не верну совочек вовремя, то мне начислят пеню?

Аркадий нервно сглотнул.

— Это... это был тестовый режим. Мы хотели посмотреть, как дети реагируют на рыночные отношения.

— Я вам покажу рыночные отношения, — Зоя снова подняла наган. — Я вам устрою невидимую руку рынка. Вы у меня узнаете, что такое свободная конкуренция за место под солнцем.

Толпа взрослых заволновалась. Кто-то из них предложил просто скрутить девочку. Кто-то предложил дать ей конфетку. Кто-то предложил ввести войска.

Зоя стояла в центре этого балагана и чувствовала себя единственным адекватным человеком в радиусе километра. Она смотрела на этих людей в их дорогих костюмах, с их усталыми лицами, с их кредитами на машины, которые они не могут позволить, с их ипотекой на квартиры, где они не бывают, с их работой, которую они ненавидят.

— Вы смешны, — сказала она. — Вы строите небоскребы, чтобы доказать, что вы выше других. Вы покупаете часы, чтобы доказать, что у вас есть время. Вы рожаете детей, чтобы доказать, что у вас есть будущее. Но вы не умеете главного. Вы не умеете не ссать.

Она посмотрела на Аркадия.

— Вы боитесь. Вы боитесь меня. Маленькую девочку с незаряженным револьвером. Вы боитесь потому, что я — это вы, только без масок. Я — ваше отражение в разбитом зеркале. Я — ваша совесть, которую вы пытаетесь запихнуть в кредитную карту.

Аркадий побледнел. Он впервые в жизни слышал что-то подобное от ребенка. Он привык к плачу, к истерикам, к мольбам. Но эта девочка говорила с ним на языке, который он понимал. На языке денег. На языке страха. На языке философии, замешанной на черном юморе.

— Что ты хочешь? — спросил он, чувствуя, что его карьера висит на волоске. Если этот ролик попадет в сеть, его уволят. Если он не справится, его посадят. Если он применит силу, его линчуют.

Зоя улыбнулась. Впервые за все время. Это была улыбка хищника, который загнал добычу в угол.

— Я хочу списать долг по песочнице. Я хочу, чтобы совочек остался у меня. И я хочу, — она сделала паузу, — чтобы вы перестали лезть в мою жизнь со своими линейками. Вы хотите знать мой рост? Пожалуйста. Мой рост — это расстояние от моего сердца до вашей тупости. Оно бесконечно. Вы хотите знать мой вес? Он равен весу моих проблем, которые я тащу на своих плечах, пока вы тащите свои мешки с деньгами. Вы хотите знать мой возраст? Мне шесть лет. Но я старше вас всех. Потому что я уже поняла, что жизнь — это игра, и правила в ней пишут те, у кого хватает наглости.

Аркадий стоял, открыв рот. Он не знал, что ответить. Он чувствовал себя нашкодившим школьником перед строгой учительницей.

— Ладно, — выдавил он из себя. — Мы спишем долг. Только убери оружие.

Зоя покачала головой.

— Нет. Оружие — это гарантия. Это мой договор. Это мой кредит доверия. Вы не уберете меня отсюда, пока я не получу гарантии.

Она посмотрела на медведя. Плюшевый друг смотрел на неё пустым глазом, и в этом взгляде читалось полное одобрение.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: Философия выстрела

— Знаете, — сказала Зоя, обращаясь уже не к Аркадию, а ко всем присутствующим, — есть такая философия. Называется «экзистенциализм». Это когда ты понимаешь, что мир

абсурден, что в нем нет смысла, но ты все равно продолжаешь жить. Ты продолжаешь делать выбор. Ты продолжаешь нести ответственность.

Она погладила барабан нагана.

— Этот револьвер — метафора выбора. Каждый день мы стоим перед выбором: выстрелить или не выстрелить. Сдаться или бороться. Заплакать или засмеяться. И самое главное — не ссать. Не бояться последствий.

Она посмотрела на Аркадия.

— Вы боитесь последствий. Вы боитесь, что вас уволят. Вы боитесь, что вас посадят. Вы боитесь, что вас не поймут. Вы живете в мире, где страх — это движущая сила. Вы боитесь даже тогда, когда бояться нечего. Вы боитесь, потому что бояться — это ваша работа.

Она подняла наган над головой.

— А я не боюсь. Я стою на краю пропасти и смотрю вниз. И я знаю, что если я упаду, то разобьюсь. Но я не упаду. Потому что у меня есть цель. И потому что я не ссу.

Она резко опустила руку.

— Забирайте его.

Она протянула наган Аркадию. Тот осторожно, как бомбу, взял оружие из её рук. Он был удивлен, что револьвер такой тяжелый. Он был тяжелее, чем его портфель с документами. Тяжелее, чем его диплом. Тяжелее, чем его ипотека.

— Забирайте, — повторила Зоя. — Мне он больше не нужен. Вы все равно не понимаете, как им пользоваться. Вы умеете стрелять, но не умеете целиться. Вы умеете убивать, но не умеете жить.

Она повернулась к медведю. Подняла его с бетона. Отряхнула от пыли.

— Пойдем, Миша. Нас здесь больше не ждут. У нас еще много дел. Нам нужно построить свой мир. Мир, где нет взрослых с их линейками. Мир, где дети могут играть в песочнице без процентов. Мир, где главное — не рост, не возраст, не вес. Главное — не ссать.

Она пошла к выходу с крыши. Толпа взрослых расступилась перед ней, как море перед Моисеем. Они смотрели на неё с ужасом и уважением. Они видели перед собой не ребенка, а пророка. Пророка, который принес им новую религию. Религию бесстрашия.

Она спустилась по лестнице. Вышла на улицу. Город был серым и унылым. Но в глазах Зои он сверкал новыми красками. Она знала, что теперь все будет по-другому.

ЭПИЛОГ (внутренний)

Прошло двадцать лет.

Зоя выросла. Она стала психологом. Она открыла клинику, где лечила взрослых от страха. Она учила их не ссать перед лицом жизни. Она учила их смотреть в глаза своим кредиторам, своим начальникам, своим страхам.

Она сидела в своем кабинете. За окном был серый, унылый город. Но в кабинете было светло. На стене висел портрет маленькой девочки с револьвером в руке. Под портретом стоял плюшевый медведь. Он был уже совсем старым, но все еще одноглазым.

В дверь постучали. Вошел мужчина в дорогом костюме. Он был похож на неоплаченный счет за электричество. Это был Аркадий. Он постарел, облысел, у него появилось брюшко. Но в глазах все еще читался страх.

— Здравствуйте, — сказал он. — У меня проблема. Я не могу не ссать. Я боюсь, что меня уволят. Я боюсь, что меня разлюбит жена. Я боюсь, что меня забудут дети. Я боюсь.

Зоя посмотрела на него. Она улыбнулась. Это была улыбка хищника, который понимает свою добычу.

— Садитесь, — сказала она. — Давайте поговорим о том, что главное. Главное — не рост. Главное — не возраст. Главное — не вес.

Она взяла в руки ручку и приготовилась записывать.

— Главное — не ссать, — сказала она. — И сейчас мы будем учиться этому. Будем учиться заново.

Она посмотрела на портрет девочки с наганом. Портрет подмигнул ей. Или это был просто блик света. Но Зоя знала, что это не блик. Это было напоминание. Напоминание о том, что она справилась. И что она поможет справиться другим.

Ведь жизнь — это игра. И правила в ней пишут те, у кого хватает наглости. И у кого хватает духу не ссать.

ГЛАВА 2. Лодка, которой не нужны весла

(О единстве, шампанском и угле)

Эпиграф: *«Мы все в одной лодке. Просто одни гребут, а другие — пьют коктейли на корме, крича, что мы движемся в светлое будущее».*

ПРОЛОГ (внутренний)

В социальной философии существует концепция «Общей лодки». Звучит она примерно так: «Мы все в одной лодке, мы зависим друг от друга, давайте же сплотимся и преодолеем трудности вместе».

Это, безусловно, очень красивая метафора. Красивая, если не знать одного маленького нюанса: в любой лодке есть верхняя палуба и трюм. И если вы находитесь в трюме, то ваша главная трудность — это не шторм и не айсберг. Ваша главная трудность — это «сплочение» с теми, кто находится наверху. Потому что для них «преодоление трудностей» означает вовремя налить себе ещё один бокал, а для вас — успеть вычерпать воду, пока она не поднялась до вашего подбородка.

В нашей сегодняшней истории эта лодка называется «Национальное единство». И в ней ровно два пассажира. Один из них — Гражданин П. Второй — Товарищ К. И прямо сейчас они готовятся отметить свой общий праздник.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Верхняя палуба (Гражданин П.)

Гражданин П. стоял на террасе своего загородного поместья, которое он гордо называл «дачей», хотя по площади она превышала средний районный центр. Он был облачен в тяжелую шубу из меха какого-то редкого зверя, занесенного в Красную книгу, но выведенного в неволе специально для таких, как он. На голове у него красовался цилиндр. Не потому, что он был фанатом викторианской эпохи, а потому, что он искренне верил: цилиндр придает ему вид «хозяина жизни». В правой руке он держал крошечную фарфоровую чашечку, в которой плескался кофе, сваренный из зерен, собранных руками людей, чьи лица были такими же изможденными, как у его собеседника на фотографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.